

В ДОМЕ АЛОНКИНА

Федор Михайлович Достоевский обычно выбирал для жилья угловые дома С.-Петербурга. И среди более двадцати адресов, где он жил, большинство именно таковых. Свидетельство тому четырехэтажное здание на углу Казначейской и улицы Пржевальского (бывший Столярный переулочек).

В шестидесятых годах прошлого столетия этот дом был на этаж ниже. В подвалах — погреб, транзир и табачная лавка, а жилые комнаты сдавались семьям незнаточных купцов, ремесленников и мастеровых. Дом принадлежал купцу первой гильдии, потомственному почетному гражданину города Ивану Максимовичу Алонкину. Был он человеком деловитым и рассудительным. С уважением относился к писательскому труду. Может быть, этим и понравился Федору Михайловичу Достоевскому, поселившемуся у Алонкина в августе 1864 года.

Позже в своих воспоминаниях Анна Григорьевна Достоевская высказает предположение о том, что в облике Кузмы Кузмича Самсонова из романа «Братья Карамазовы» есть черты хозяина дома. Самсонов тоже с бородой и в кафтане, как Алонкин, ходил медленно и важно, опираясь на палку. Возможно, что и квартира героя романа чем-то походила на квартиру Алонкина. У Самсонова множество «больших парадных комнат, меблированных по купеческой старине, с длинными скучными рядами неуклюжих кресел и стульев красного дерева по стенам, с хрустальными люстрами в чехлах, с угрюмыми зернами в простенках». А как же выглядела квартира писателя?

Анна Григорьевна сообщает в своих воспоминаниях: «Дом был большой, со множеством мелких квартир, населенных купцами и ремесленниками. Он мне сразу напомнил тот дом в романе «Преступление и наказание», в котором жил герой романа Раскольников... Кабинет Федора Михайловича представлял собою большую комнату в два окна... В глубине комнаты стоял мягкий диван, крытый коричневой, довольно подержанной материей; пред ним круглый стол с красной суконой салфеткой. На столе лампа и два-три альбома; кругом мягкие стулья и кресла... Между окнами стояло большое зеркало в черной раме... Окна украшались двумя большими китайскими вазами прекрасной формы. Вдоль стены стоял большой диван зеленого сафьяна и около него столик с графином воды. Напротив, поперек комнаты, был выдвинут письменный стол, за которым я потом всегда сидела, когда Федор Михайлович

мне динтовал. Обстановка кабинета была самая заурядная, каную я видела в семьях небогатых людей».

4 октября 1866 года сюда, в дом Алонкина, в квартиру № 13 на втором этаже, пришла 19-летняя скромная миловидная стенографистка Аня Сниткина, чтобы записывать то, что должен был продиктовать ей уже известный в Петербурге писатель. Это был роман «Игрок»...

После того, как кончалась динтовка, они усаживались за маленьким столиком пить чай. Внимание, тихий и добрый свет, который излучал весь облик Сниткиной, действовали на

вал своего рода «сценарий» будущих страниц романа, чтобы было легче динтовать на следующее утро текст своей новой помощнице.

Алонкин мог частенько, направляясь и заутрене, наблюдать свет из окон, что левее балкона, нависшего над подворотней. Купец лишний раз не напоминал о квартирной плате. Наверное, знал, в каком нелегком положении находится жилец квартиры № 13.

...Достоевский прожил у Алонкина почти три года. Это было трудное время редакторской и писательской работы, редких счастливых минут.

Среди многочисленных петербургских адресов Достоевского этот дом занимает незначительное место. На бывшем доме Алонкина (Казначейская ул., 7) пока еще нет мемориальной доски. Будем надеяться, что она вскоре появится.

Юрий РАКОВ

ЛЕНИНГРАД

На снимке: бывший дом Алонкина
Фото автора

писателя столь успокаивающе, что он рассказывал о том, о чем никому до этого не говорил, — о страшных минутах пережитых на Семеновском плацу. Чувствовалось, что Достоевский одинок и ему теперь хочется наконец поделиться с нею самым сокровенным...

Достоевский работал по ночам, когда стихал уличный шум и не доносились пьяные крики из соседних кабаков и транзирных, коими изобилывал Столярный переулочек. (Вспомним, что пьяные крики мешали заснуть Раскольникову жившему в том же Столярном, почти напротив дома Алонкина.) Федосья приносила самовар, наливая в стакан крепкую, как любил Достоевский, заварку. Пачки папирос не всегда хватало на ночь. Самовар остывал, росла гора окурков в массивной пепельнице на письменном столе, а он все еще сидел над стопкой плотной почтовой бумаги с едва заметными линейками. Он созда-

М. М. Ржевский, 1948, 13 стр.